

DOI 10.14746/ssp.2019.4.6

Александр А. Ширинянц
(Aleksandr SHIRINYANTS)

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
(Lomonosov Moscow State University)
ORCID: 0000-0002-6949-2256

«Русь куда ж несешься ты?»: Мифы в культуре и политике¹

Аннотация: В статье предпринята попытка определить роль мифа и мифомышления в обществе, показана связь социально-политического мифа с идеологией, политикой, исторической памятью. Через призму мифа о прогрессе рассмотрена проблема выбора, вставшая перед Россией в XIX в.: национальное развитие или европейский прогресс? Охарактеризованы интерпретации факта экономической, социально-политической и культурной отсталости России представителями различных направлений и течений русской мысли XIX в. Приведены примеры парадоксального единства консерваторов и революционеров в том, что движение «вперед и выше» не всегда прогрессивно, но развитие всегда должно быть «национальным», и России не нужно повторять все формы развития европейских стран – от низшего к высшему. Аргументирован тезис о возможном историческом «оправдании» мифа о прогрессе. Это «оправдание» заключается в том, что попытки объяснить разнообразие и своеобразие национальных вариантов развития («Русь, куда несешься ты?») привели и приводят до сих пор, с одной стороны, к обоснованию особенности исторического пути России как самостоятельной русско-православной цивилизации, никого не догоняющей и ничего не повторяющей, с другой – к ясному пониманию «порочного круга» современной цивилизации: «мы бедны, потому что глупы, и мы глупы, потому что бедны».

Ключевые слова: миф, мифомышление, социально-политический миф прогресса, Россия и Запад, исторические пути развития

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского Фонда фундаментальных исследований и Экспертного института социальных исследований, проект № 19-011-31066 «Символическая политика в современной России: глобальные риски, гражданская идентичность и векторы исторической памяти».

Acknowledgements. The article was prepared with the support of the Russian Foundation for Basic Research and the Expert Institute of Social Research, project No. 19-011-31066 «Symbolic politics in modern Russia: global risks, civil identity and vectors of historical memory».

Определение мифа

«**М**ИФ [*< гр. *mythos* слово; сказание, предание*)]» – обычно таким указанием на происхождение слова начинаются статьи в изданиях справочного характера – словарях и энциклопедиях. На самом деле слово «миф» имеет более древнюю (и сложную) этимологию, восходящую к санскриту, где термин имел значение «заботиться о чем-то», «иметь в виду что-то», «страстно желать». А, например, у Гомера означал «предписание», «совет», «приказ», «назначение», «намерение», «цель», «сообщение», «обещание», «просьбу», «умысел», «угрозу», «упрек», «защиту», «похвальбу» (Лосев, 1988, с. 169). Само понятие мифа неопределенно, расплывчато. Поэтому, видимо, и существуют различные подходы к его определению, из всего многообразия которых можно выделить трактующие миф как главным образом повествование, обращенное в прошлое, но сохраняющее свою экспликативную функцию и в настоящем, так как оно разъясняет и оправдывает перипетии судьбы человека или некоторых форм организации общества; затем, считающие миф мистификацией, иллюзией, миражом, искажающим действительность; и, наконец, представляющие миф как специфическую психологическую реальность, в которой отражены истоки господствующих в обществе верований, ценностей, норм жизни, и в которой люди находят смысл существования в обществе.

Некое синтетическое определение мифа может выглядеть следующим образом: миф – т.е. взаимосвязанная и законченная система верований, не нуждающаяся ни в каком обосновании, кроме собственного утверждения, и ни в какой логике, кроме ее собственной – это, *с одной стороны*, специфическая психологическая реальность, представляющая собой последовательную цепь образов; *с другой* – это деформированная, объективно не связанная с реальностью интеллектуальная интерпретация, обладающая экспликативной функцией и мобилизующей силой.

В основе мифомышления – оперирование эмоционально-ценностными представлениями, конструирование целостной иррационально-иллюзорной формы сознания, которая на грани сознательного и бессознательного, на чувственно-дорефлексивном уровне освоения мира организует ценностные установки, являющиеся условиями, средствами и ориентирами поведения и социального действия.

Миф и идеология

Воздействующая регулятивная функция мифа активно используется в политике, сознательно конструирующей определенные мифологемы с целью эффективного воздействия на сознание. Вслед за замечательным историком философии А. В. Гулыгой, можно с полным правом утверждать, что «Политика – сплошная мифология» (Гулыга, 1995, с. 282). Действительно, миф как специфическая психологическая реальность выступает важнейшим элементом идеологии и неотъемлемой частью политики. В данном случае речь идет о социально-политическом мифе, создаваемом коллективным воображением через призму эмоциональных, чувственных ощущений, «живущем» в рамках обыденного сознания.

К этому нужно добавить, что идеология как форма организации коллективного сознания, основанная на прошлом и настоящем, ориентирована в конкретное будущее. С одной стороны, она обозначает системные принципы взаимодействия социальных групп и институтов, отграничение «своего» и «чужого», устраняя проблемы самоидентификации как для отдельных людей, так и для общества в целом, с другой – обозначает цель, средства и способы ее достижения, другими словами – смысл общественного развития. Аккумулируя то, что значимо для людей, идеология выстраивает определенный порядок ценностей (эта иерархия, в конечном счете, маркирует конкретную идеологию и отграничивает ее от других идеологий). В поддержке и развитии этих ценностей – смысл общественного развития, смысл существования государства (См.: Szirinianc, 2017, с. 185–186). Еще одним фактором самоидентификации, напрямую связанным с идеологией, является историческая память, в формировании которой определяющую роль играют язык, символы и тексты. В свою очередь, историческая память фиксируется, хранится и трансформируется с помощью социально-политического мифа.

Любая история – это события, во-первых, пережитые каждым человеком вместе с его современниками; во-вторых, события, выстроенные в определенной последовательности по степени важности для каждого человека и его современников; в-третьих, эти события и последовательность событий получают свои оценки, в зависимости от наших мировоззрения, нравственных установок, и, наконец, идеалов. А это уже область конкретной идеологии, аккумулирую-

щей смыслы, ценности, устраняющей проблемы самоидентификации как для отдельных людей, так и для общества в целом, и, в конечном счете, объединяющей «население» в гражданскую нацию (Царегородцев, Ширинянец, 2018, с. 74).

Миф Просвещения и миф прогресса

Иногда социально-политические мифы приобретают поистине метаисторические масштабы. Так, в XVIII веке усилиями философов-интеллектуалов был создан культурный миф Просвещения, до сих пор определяющий ориентации, психологию многих людей. Основой этого мифа была вера в завершение периода зла и насилия в истории человечества. «Порождения суеверия и фанатизма рассеиваются под лучами Просвещения, – с долей иронии писал выдающийся отечественный культуролог и семиотик Ю. М. Лотман, – наступает эра, когда благородная сущность Человека проявится во всем блеске» (Лотман, 1996, с. 413).

Возможность этой благодетельной перемены связывалась с духом антитрадиционализма.

Тысячелетие, а может быть и больше, человечество жило прошлым, наука и обществознание были в буквальном смысле слова «реакционными», так как самой достоверной считалась наиболее древняя доктрина, учение, идеология, а возраст был синонимом мудрости. Ортодоксальность, выраженная формулой: «чему верили повсюду, всегда, все» (*Преподобный Викентий Лиринский*), обращенность вглубь веков, продержались до XVII столетия как непререкаемая основа для научных поисков. Если Средневековье все «основано на примате трансцендентных реальностей», то эпоха Нового времени «выдвигает на первый план отдельные, дифференцированные субъективные способности или всего субъекта, напрягая это до противоестественных размеров; все же прочее превращается в некое аморфное чудище, в безглазую тьму, в бесконечно-расплывшийся, черный и бессмысленный, механистический мир ньютоновского естествознания. Отсюда такие лозунги, как знание без веры, такое вероучение и мифология, как о всемогуществе знания, это постоянное упование на науку, на просвещение, этот слепой догмат «в знании – сила», – писал А. Ф. Лосев, характеризуя сущность

«новоевропейского духа», пронизанного рационализмом и индивидуализмом².

Более того, именно в это время (в философии от Декарта) наука обратила свои взоры в будущее, притом настолько решительно, что по отношению к прошлому выработалось чисто обывательское пренебрежение, выраженное формулой «чем старее, тем ошибочнее (глупее)»... (Шириянц, 2018, с. 71–72). Исторически сложившееся объявлялось плодом предрассудков, насилия и суеверия. Достаточно в этом отношении вспомнить убежденного в том, что историю (у него речь идет о Средневековье) нужно знать только затем, чтобы ее презирать Вольтера, утверждавшего в своем «Опыте о нравах и духе наций» (1756 г.), что история – не что иное, как собрание людских заблуждений, а «история великих событий этого мира – это всего лишь история преступлений...» (Voltaire, 1829, с. 351).

Плоды Разума и Просвещения должны были возникнуть в результате полного отречения от традиций, верований отцов и вековых убеждений. «Станным образом человек Просвещения напоминал христианина первых веков: он отвергал существующее как царство тьмы, проклинал историческую традицию и чаял наступления нового неба и новой земли. Зло для него воплощалось в реальной истории человечества, а добро – в утопической теории. Как и христианин первых веков, он был убежден в том, что Великое Преображение должно произойти со дня на день. Но для этого человек Разума и Природы должен порвать с предрассудками и со всем тем, что Лермонтов называл «заветными отцовскими поверьями»³.

Просветители обогатили мир идеей поступательного развития общества, развития под воздействием постоянно совершенствующегося человеческого разума. Либеральный миф безостановочно всемирно-исторического продвижения к свободе (в литературе

² Здесь же Лосев утверждает, «что как все мышление после Средних веков есть либерализм и гуманизм, как вся социально-экономическая жизнь этих веков основана на отъединенном индивидуализме, т.е. оказывается капитализмом, и на рационализме, т.е. оказывается машинной культурой, так миф о всемогуществе знания есть всецело буржуазный миф» (Лосев, 1990, с. 501).

³ Этот отказ от собственного наследия приводил к парадоксальным результатам, когда, например, во Франции пытались смоделировать «английскую точку зрения», для всей остальной Европы идеи Просвещения говорили по-французски. «Мыслить по-просветительски означало мыслить так, как в философских салонах Парижа» (Лютман, 1996, с. 415).

его часто называют «мифом Французской революции») не допускает рядом с эмансипированной мировой историей никаких других историй (Marquard, 1979, с. 46–47). Пытаясь демифологизировать историю (обращение к разуму!) «прогрессисты» обнаружили парадоксальное стремление к ее очередной мифологизации, объявив прогресс неизменным.

Концепция прогресса, потеснившая религиозную веру, сама приобрела статус веры, надолго заворожив сознание, став основой устойчивой картины жизни и миропонимания многих поколений со времен Просвещения до наших дней. Действительно, эта «рационалистическая» концепция была присуща всем современным обществам и давала смысл и надежду миллионам людей в условиях, когда они утратили опору религиозного миропонимания, веками игравшую важную роль в адаптации человека, в психологическом приспособлении к миру.

Линейная концепция прогресса, понимающая европейское развитие как кумуляцию была пронизана несокрушимой верой в саморазвитие и самосовершенствование человечества, в то, что человечество неуклонно движется вперед либо революционным, либо эволюционным путем и, в конце концов, может достичь высшей формы общественной организации.

Последовавшие в ходе истории неоднократные разочарования в революционных, радикальных движениях способствовали тому, что идея прогресса прочно перешла в лоно эволюционных теорий – социологических, биологических, психоаналитических и т.п. В результате – быстрый скачок к вожденному царству был заменен долгим и нелегким маршем, как говорил уже цитировавшийся выше немецкий философ Одо Марквард: «быстрый бросок в рай замещается долгим путешествием через биологические виды и социальные институты; в ходе исторического развития человечество добивается совершенства техники, которая есть гарант его выживания» (Марквард, 2003). Тем не менее, при этом схема движения оставалась неизменной: раннее преодолевается поздним; примитивное – более развитым: «...если говорить конкретно, – отмечал Марквард, – сырое уступает место приготовленному, природа – культуре, дикое – ручному, принцип желания – принципу реальных возможностей, сила – праву, род – государству, миф – логосу, случайность – науке, судьба – технике, нужда – изобилию, фантазия – наблюдению, вы-

думка – реальности, иллюзия – критике, неравенство – равенству, угнетение – свободе, первобытность – развитой культуре...» (Марквард, 2003).

Другими словами, происходит непрерывное движение к вершинам ослепительного совершенства. Картина научного, технического, экономического прогресса, осознаваемая как закономерная и неизбежная, была перенесена на все развитие человеческого общества, его институтов, форм государственного устройства.

Основой веры в прогресс было убеждение в том, что научное, экономическое и техническое развитие автоматически обеспечивает осуществление гуманистических ценностей.

Реальная история человеческой цивилизации поколебала эти наивные представления. Несостоятельность универсальной концепции прогресса обнаружила парадокс, которого не замечали многие мыслители прошлого, а именно: люди прежних поколений воспринимались только как средство для создания нынешнего и будущего исторического совершенства, им было отказано в праве на самоценность. Тем самым был поставлен под вопрос гуманистический пафос прогресса, который считался его главным козырем. Оригинальную интерпретацию этого парадокса можно найти у А. Камю, в его «Бунтующем человеке». Несколько раньше об этом писал Н. А. Бердяев. «Оптимистическая, бестрагичная теория прогресса, которую разделяют и марксисты, – отмечал он в книге «Царство Духа и царство Кесаря» (1949 г.), – представляет собой безысходную в ее предельном противоречии трагедию смертоносного времени, превращающую людей в средство для грядущего» (Бердяев, 1995, с. 353).

Россия и Запад: национальное развитие или европейский прогресс?

Оригинальную версию либерального мифа безостановочного всемирно-исторического продвижения к свободе представил под социо-экономическим углом зрения Иммануил Валлерстайн, автор фундаментального исследования «The Modern world-system» (Валлерстайн, 2015–2016). В его интерпретации миф довольно прост: когда-то, в темные средние века, Европа была феодальной; в ней жили крестьяне, которыми владели феодалы. Однажды возник

средний класс, который стал бороться за экономические изменения. Вместе с экономическими изменениями произошли политические и духовные. В конечном итоге это привело к «промышленной революции». Наиболее преуспела Великобритания, остальные страны были менее развитыми или отсталыми. Однако, исходя из лежащего в основе легенды оптимизма, не следовало отчаиваться: остальные народы могли и должны были повторить путь прогрессивных народов и, таким образом, также вкушать от плодов прогресса.

Этот миф породил три крупные проблемы, занимавшие умы многих мыслителей, и, в конечном счете, сводившиеся к следующим вопросам, требовавшими немедленного разрешения:

- 1) чем объяснить разнообразие и своеобразие национальных вариантов развития? («Русь куда несешься ты?»);
- 2) об оптимальных путях и средствах создания «демократического» государства, обеспечивших бы участие широких слоев населения вплоть до «кухарок» в управлении и то же время не допустивших бы анархии;
- 3) и, самый главный, – как отсталой стране догнать ушедших вперед?

Ответ на третий вопрос в большинстве случаев связывался (и связывается) с необходимостью максимально последовательного повторения опыта более развитых государств. Здесь высвечиваются два способа решения проблемы общественного развития: условно обозначим их как: 1) «проектирующий» – предполагающий идеальную теоретическую модель, мало имеющую связей с реальной действительностью, и «построение» (воплощение) этой модели; 2) «прагматический» – ориентирующийся также на модель, но уже базирующуюся на конкретном опыте конкретной страны или региона, и во главу угла ставящий достижение прежде всего экономического роста.

В истории русской социально-политической мысли XIX в. поиск ответов на первый и третий вопрос был стимулирован фиксацией в русском национальном самосознании факта экономической, социально-политической и культурной отсталости России, который истолковывался по-разному различными направлениями и течениями русской социально-политической мысли. Одни трактовали отсталость как временное препятствие, которое нужно просто преодолеть. В этом случае Россия идет по тому же пути, что и За-

пад, но лишь с некоторой задержкой, отставанием, и с неизбежностью должна пройти основные этапы исторического развития Запада (П. Я. Чаадаев, В. Г. Белинский и другие т.н. «западники»). Другие считали отсталость России залогом ее будущего величия. В этом случае, путь России уникален, она имеет особое предназначение (В. Ф. Одоевский, М. П. Погодин, Ф. И. Тютчев, славянофилы и др.). Третьи, признавая единство человеческой истории, особость русского пути связывали с возможностью России миновать некоторые этапы исторического развития Запада (А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский). Четвертые, отрицая единую историю человечества, считали Россию особым культурно-историческим типом, уникальной цивилизацией, противостоящей Западу (Н. Я. Данилевский, Н. К. Леонтьев, В. И. Ламанский). Пятые проповедовали христианский гуманистический синтез общечеловеческих ценностей и русской духовной культуры, идею «всеединства» (С. П. Шевырев, Ф. М. Достоевский, В. С. Соловьев).

Отметим, что различные вариации на тему «прогресса» – общее место в русской, да и в европейской науке Нового времени. Концепция прогресса считалась вполне «научной» и исповедовалась практически всеми участниками «великих интеллектуальных дебатов» XIX в. И даже консерваторы (как известно, противопоставившие либеральному по сути пониманию прогресса идею «равновесного и органического развития» (Ширинянц, 2011, с. 217–235)), не говоря уже о марксистах и либералах, не ставили под сомнение описательную часть мифа, правда, выводы все же делали разные. Приведу лишь несколько примеров, касающихся рассуждений русских мыслителей о прогрессе.

Когда говорят о консерватизме, то расхожим стереотипом является понимание его приверженцев как противников прогресса вообще, причем не проводится принципиального различия между понятиями «прогресс» и «развитие». В начале 1860-х гг. И. С. Аксаков заявил, что «развитие, чуждое основным началам народности, не есть прогресс, а искажение общественной деятельности, расстройство органических отправления, уродство, болезненное состояние» (Аксаков, 2010, с. 403), а «консервативно только то, что народно, то есть что действительно живет и способно к жизни; и только то, что народно (и потому консервативно), – только то и прогрессивно» (Аксаков, 2010, с. 404). Годы спустя, К. Н. Леонтьев продолжил подобные рас-

суждения, доведя их до логического завершения. Он «развел» понятия «прогресс» и «развитие», заявив, что *«эгалитарно-либеральный процесс есть антитеза процессу развития»* (Леонтьев, 2010, с. 103) и попытался доказать, что «прогресс, то есть последующая ступень истории, ее завтрашний, так сказать, день не всегда носит характер более эмансипационный, чем была ступень предыдущая, чем период истекающий или истекший» (Леонтьев, 2010b, с. 321). В силу этого, считал он, *«могут стать прогрессом, в свою очередь, и всякие реакционные меры, и временные, и законодательные – раз только меры, освобождающие личность человеческую, достигнут так называемой точки насыщения»* (Леонтьев, 2010b, с. 321). Таким образом, Леонтьев, используя идею прогресса против самих «прогрессистов», настойчиво убеждает своих читателей в том, что *«настало время реакционного движения, если не для всех, то, по крайней мере, для некоторых сторон жизни...»* (Леонтьев, 2010b, с. 310). Леонтьев не был бы консерваторм, не защищая он традиционные национальные начала и ценности. «Космополитический», «эгалитарно-либеральный» прогресс, растворяя народы в безликой массе всечеловечества, обеспечивая торжество западной мещанской, стандартизированной, понижающей человека в духовном и интеллектуальном отношении цивилизации, представляет величайшую опасность для красочного многообразия и «цветущей сложности» жизни. Развития, по Леонтьеву, не может быть без пестрого разнообразия и богатства национальных, политических, социальных, культурных форм. «Все созидающее, все сохраняющее то, что раз создано историей народа, имеет характер более или менее обособляющий, отличительный, противопоставляющий одну нацию другим... Все либеральное – бесцветно, общеразрушительно, бессодержательно в том смысле, что оно одинаково возможно везде» (Леонтьев, 2010b, с. 264).

Идеи Леонтьева парадоксальным образом созвучны мыслям его идеологических противников – А. И. Герцена и Н. Г. Чернышевского.

Герцен (Ширинянц, 2013, с. 219–222) стал на Западе первооткрывателем особенного мира, «не европейского, не азиатского» – мира России, мира славянского, «с своим естественным бытом, с своим физиологическим характером» (Герцен, 1957, с. 429), мира «варваров, чующих агонию, возвещающих старому миру „memento mori“, предлагающих ему убийцу, если он не желает покончить с собой»

(Герцен, 1957b, с. 177). Идеей «особости» России недавний московский западник, а теперь русский изгнанник-диссидент Герцен проникся после европейских потрясений 1848–1849 гг. Поселившись в Швейцарии, он попытался разобраться в том, чем Россия отличается от Европы и разъяснить эти отличия русофобствующим западным интеллигентам⁴.

Первой антирусофобской работой Герцена, адресованной европейскому читателю, стало его письмо 1849 г. «La Russia». Именно здесь Герцен обозначил начала теории русского социализма, которую затем развивал на протяжении многих лет. «Особость» России, по Герцену, обуславливает крестьянская община и внутренняя, не вполне сознающая себя, чудодейственная сила русского народа – «вера в себя» (См.: Герцен, 1955, с. 199–200). Исходя из этого, Герцен прямо заявляет, что он не видит «причин, почему Россия должна непременно претерпеть все фазы европейского развития» (Герцен, 1955, с. 205).

В письмах к У. Линтону (1854) Герцен опять задается вопросом, впервые поставленным в работе «Россия»: должна ли Россия пройти через все фазы европейского развития? И решительно отрицает необходимость подобных повторений: «Мы можем и должны пройти через скорбные, трудные фазы исторического развития наших предшественников, но так, как зародыш проходит низшие ступени зоологического существования. Оконченный труд, достигнутый результат свершены и достигнуты для всех понимающих; это круговая порука прогресса, *майорат* человечества» (Герцен, 1957b, с. 186).

Еще один, наряду с Герценом, «родоначальник русского социализма» – Чернышевский (Szirinianc, 2017b, с. 161–166), пошел дальше своего старшего товарища, и вывел закон, «позволяющий» России не повторять все формы развития европейских стран от низшего к высшему.

В статье «Критика философских предубеждений против общинного владения», опубликованной в журнале «Современник» в 1858 г., опираясь на философские теории Ф. Шеллинга и Г. Гегеля, приводя многие «геологическо-физиологические» примеры диа-

⁴ В основе русофобии западных публицистов, отмечал А. И. Герцен, несокрушимое упрямство, «которое им дает ненависть к России и невежество» (Герцен, 1954, с. 179). О русофобии см.: Мирикова, Ширинянц, 2010, с. 85–110; Сорокопудова, Ширинянц, 2014; Шутов i in., 2015, с. 175–207.

лектического развития форм, начиная с зарождения самой планеты Земля, а также многочисленные примеры из других «сфер бытия», Чернышевский формулирует следующий «всеобщий закон»:

- «1. Высшая степень развития по форме совпадает с его началом.
2. Под влиянием высокого развития, которого известное явление общественной жизни достигло у передовых народов, это явление может у других народов развиваться очень быстро, подниматься с низшей степени прямо на высшую, минуя средние логические моменты» (Чернышевский, 1950, с. 389).

Чернышевский доказывает, что общинное владение не является «первобытной», «низшей» формой, вытесненной «высшей» формой – частной поземельной собственностью, что не обязательно уничтожать эту «устаревшую» форму, чтобы развиваться, идти вперед.

Согласно выведенному им всеобщему закону, гласящему, что «конец развития по форме является возвращением к его началу», России не нужно проходить через период частной поземельной собственности, которая представляется средним звеном. Развив общинное владение в высшую форму поземельных отношений, она может миновать средний капиталистический период развития (Чернышевский, 1950, с. 364, 377).

Мы видим здесь, что и «религиозный консерватор» и «революционеры-демократы» сходятся в том, что движение «вперед и выше» не всегда прогрессивно, но развитие всегда должно быть «национальным», и России не нужно повторять все формы развития европейских стран – от низшего к высшему. В этой связи не могу не вспомнить своеобразного «оправдания» консерватизма, традиционных ценностей и национальных традиций Президентом России В.В. Путиным, который в одном из своих ежегодных посланий Федеральному Собранию (*Путин В...*) верно, но не совсем точно процитировал Бердяева: «Смысл консерватизма не в том, что он препятствует движению вперёд и вверх, а в том, что он препятствует движению назад и вниз, к хаотической тьме, возврату к первобытному состоянию»⁵, и, в свою очередь, процитирую еще одного

⁵ В оригинале у Н. А. Бердяева – не «к первобытному», а «к состоянию, предшествующему образованию государств и культур». Фраза эта взята из его книги «Философия неравенства. Письма к недругам по социальной философии»,

русского мыслителя, который в 1857 г. писал так: «Разве путь есть неподвижное состояние? Разве на пути можно остановиться? Путь непременно идет куда-нибудь вперед, путь есть бесконечное движение; и воротиться на прежний путь не значит: отказаться от стремления вперед, а значит: идти вперед, лишь по иному направлению... Спор может быть лишь об истине путей, лишь о том: какое *вперед* есть вперед к истине?» (Аксаков, 2011, с. 277–278).

Как бы то ни было, попытки объяснить разнообразие и своеобразие национальных вариантов развития привели (и приводят), с одной стороны, к обоснованию особенности исторического пути России как самостоятельной русско-православной цивилизации, которой не нужно никого догонять и ничего повторять, с другой – к ясному пониманию «порочного круга» современной цивилизации, суть которого предельно четко обозначил Д. И. Писарев: «мы бедны, потому что глупы, и мы глупы, потому что бедны» (Писарев, 2003, с. 224).

В этом последнем отношении, на мой взгляд, и заключается возможное историческое оправдание мифа о прогрессе.

Библиография

- Аксаков И. С. (2010), *О взаимном отношении народа, государства и общества*, в: К. С. Аксаков, И. С. М. Аксаков, *Избранные труды*, Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), Moskwa.
- Аксаков К. С. (2011), *Передовая статья. Газета «Молва» 17 мая 1857 г.*, в: *Русская социально-политическая мысль XI – начала XX века: К. С. Аксаков*, ред. А. А. Szirinianc, Издательский дом «Политическая мысль», Moskwa, «Молва», № 2, 20 апреля 1857 г.
- Бердяев Н. А., *Философия неравенства. Письма к недругам по социальной философии*, <http://www.vchi.net/berdyaev/neraven/05.html>, 04.06.2019.
- Бердяев Н. А. (1995), *Царство Духа и царство Кесаря*, Республика, Moskwa.
- Валлерстайн И. (2015–2016), *Мир-система Модерна*, Т. 1–4, Университет Дмитрия Пожарского, Moskwa.
- Герцен А. И. (1957), *Еще вариация на старую тему (Письмо к.....)*, в: А. И. Герцен, *Собр. соч.: В 30 тт. Т. XII. Произведения 1852–1857 годов*, Изд-во АН СССР, Moskwa.
- Герцен А. И. (1955), *Россия*, в: А. И. Герцен, *Собр. соч.: В 30 тт. Т. VI. С того берега. Статьи. Долг прежде всего. 1847–1851*, Изд-во АН СССР, Moskwa.

написанной в 1918 году и опубликованной в 1923 году в эмиграции. Точнее, из пятого письма – «О консерватизме» (См.: Бердяев, Философия...).

- Герцен А. И. (1954), *Русский народ и социализм. Письмо к Ж. Мишле*, в: А. И. Герцен, *Собр. соч.: В 30 тт. Т. VII. О развитии революционных идей в России. Произведения 1851–1852 годов*, Изд-во АН СССР, Moskwa.
- Герцен А. И. (1957b), *Старый мир и Россия. Письма к В. Линтону*, в: А. И. Герцен, *Собр. соч.: В 30 тт. Т. XII. Произведения 1852–1857 годов*, Изд-во АН СССР, Moskwa.
- Гулыга А. В. (1995), *Русская идея и ее творцы*, Соратник, Moskwa.
- Леонтьев К. Н. (2010), *Византизм и славянство*, в: К. Н. Леонтьев, *Избранное*, Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), Moskwa.
- Леонтьев К. Н. (2010b), *Передовые статьи «Варшавского дневника» 1880 года*, в: К. Н. Леонтьев, *Избранное*, Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), Moskwa.
- Лосев А. Ф. (1990), *Диалектика мифа*, в: А. Ф. Лосев, *Из ранних произведений*, Правда, Moskwa.
- Лосев А. Ф. (1988), *История античной эстетики. Последние века*, Кн. 2, Искусство, Moskwa.
- Лотман Ю. М. (1996), *Архаисты-просветители*, в: *Из истории русской культуры*, ред. Б. Ф. Егоров, А. Д. Кошелев, Т. V (XIX век), Языки русской культуры, Moskwa.
- Марквард О., *Эпоха чуждости миру?*, „Отечественные записки” 2003, № 6, http://www.strana-oz.ru/2003/6/epoha-chuzhdosti-miru#t*, 10.05.2019.
- Мирикова А. В., Ширинянец А. А. (2010), *Русофобский миф на «панславизма»*, „Политически исследования”, № 1–2.
- Писарев Д. И. (2003), *Реалисты*, в: Д. И. Писарев, *Полное собрание сочинений и писем: В 12 томах, Т. 6: Статьи, 1864 (апрель–декабрь)*, Наука, Moskwa.
- Преподобный Викентий Лиринский. Памятные записки Пeregрина о древности и всеобщности католической веры против непотребных новизн всех еретиков*, <http://www.pagez.ru/lsn/0321.php>, 18.05.2019.
- Путин В.: *Смысл консерватизма в том, что он препятствует движению назад и вниз, к хаотической тьме*, https://www.ltv.ru/news/2013-12-12/55771-v_putin_smysl_konservatizma_v_tom_chno_on_prepyatstvuet_dvizheniyu_nazad_i_vniz_k_haoticheskoy_tme, 04.06.2019.
- Сорокопудова О. Е., Ширинянец А. А. (2014), *«Русский вопрос»: французская русофобия в XIX веке*, „Вестник Московского государственного областного университета (Электронный журнал)”, № 2, <http://vestnik-mgou.ru/Articles/View/555>, 07.06.2019.
- Царегородцев С. С., Ширинянец А. А. (2018), *В поисках смысла: идеи как фактор политики*, „Вестник Российской нации”, № 1.
- Чернышевский Н. Г. (1950), *Критика философских предубеждений против общинного владения*, в: Н. Г. Чернышевский, *Полн. собр. соч.: В 15 томах, Том V: Статьи 1858–1859*, Государственное издательство художественной литературы, Moskwa.

- Ширинянц А. А. (2013), *Герцен в контексте русского революционаризма*, в: Александр Иванович Герцен и исторические судьбы России. Материалы Международной научной конференции к 200-летию А. И. Герцена (Институт философии РАН 20–21 июня 2012 г.), ред. А. Ф. Яковлева, В. Л. Шарова, «Канон +» РООИ «Реабилитация М», Moskwa.
- Ширинянц А. А. (2011), *Нигилизм или консерватизм? (Русская интеллигенция в истории политики и мысли)*, Издательство Московского университета, Moskwa.
- Ширинянц А. А. (2018), *Тоска versus надежда: размышления о времени*, „Sensus Historiae”, № 4, vol. XXXIII.
- Шутов А. Ю. i in. (2015), *Россия в западном зеркале: отражения и искажения. Русский вопрос в истории политики и мысли. Антология*, под ред. А. Ю. Шутова, А. А. Ширинянца, „Тетради по консерватизму. Альманах Фонда ИСЭПИ”, № 2.
- Voltaire M. de. (1829), *Essai sur les mœurs et l'esprit des nations. Avec préfaces, avertissements, notes, etc. Par M. Beuchot*, vol. 1, Werdet & Lequien fils., Paryż, http://classiques.uqac.ca/classiques/Voltaire/essai_sur_les_moeurs_t1/voltaire_essai_sur_les_moeurs_t1.pdf, 10.05.2019.
- Marquard O. (1979), *Lob des Polytheismus. Uder Monomythie und Polymythie*, в: *Philosophie und Mythos. Ein Kolloquium*, red. H. Poser von, N. Y., https://books.google.ru/books?id=_01bDAAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false, 18.05.2019.
- Szirinianc A. A. (2017), *Konserwatyzm w przestrzeni ideologicznej i politycznej współczesnej Rosji*, w: *Political Science, Politische Wissenschaft I Politologija. Antologia tekstów*, tłum. B. Hordecki, red. E. Jeliński i in., Wydawnictwo Naukowe WNPiD UAM, Poznań 2017.
- Szirinianc A. A. (2017b) *Krótki szkic historii myśli społeczno-politycznej Rosji w latach 1850–1860*, w: *Political Science, Politische Wissenschaft I Politologija. Antologia tekstów*, tłum. B. Hordecki, red. E. Jeliński i in., Wydawnictwo Naukowe WNPiD UAM, Poznań.

***Whither, then, are you speeding, O Russia of mine?
Myths in culture and politics***

Summary

The article attempts to define the role of a myth and mythical thinking in the society. It shows a relationship between a socio-political myth and ideology, politics, and historical remembrance. Based on the myth about the progress, the article discusses an issue of choice faced by Russia of the 20th c., namely national development or European advancement? It describes interpretations of economic, socio-political and cultural aspects of Russia's backwardness, as presented by representatives of various trends

of Russian thought of the 19th c. It lists examples of a paradoxical agreement among conservatists and revolutionaries that a move “forward and up” is not always progressive, whereas the development should always be “national”. Therefore, Russia should not copy all forms of development that have taken place in European countries – from lower to higher. It argues that there is a possible historical explanation of the myth of progress. Namely, attempts to explain diversity and originality of national variations of development (“*Whither, then, are you speeding, O Russia of mine?*”) have proved historical differences of the Russian path, as an independent Russian-Orthodox civilisation, towards a better understanding of the “vicious circle” of the modern civilisation: “We are poor because we’re stupid, and we’re stupid because we’re poor.”

Key words: myth, mythical thinking, socio-political myth of progress, Russia and West, historical development paths

Rosjo, dokądże pędzisz? Mity w kulturze i polityce

Streszczenie

W artykule podjęto próbę określenia roli mitu i myślenia mitycznego w społeczeństwie, pokazano związek mitu społeczno-politycznego z ideologią, polityką, pamięcią historyczną. Poprzez pryzmat mitu o postępie rozpatrzono problem wyboru stojącego przed Rosją w wieku XIX: rozwój narodowy czy postęp europejski? Scharakteryzowano interpretacje faktu ekonomicznego, społeczno-politycznego oraz kulturowego opóźnienia Rosji, przedstawiane przez przedstawicieli licznych kierunków i tendencji w rosyjskiej myśli XIX wieku. Przytoczono przykłady paradoksalnej zgody konserwatystów i rewolucjonistów, co do tego, że ruch „w przód i w górę” nie zawsze jest postępowy, natomiast rozwój zawsze powinien być „narodowy”, toteż Rosja nie powinna powtarzać wszystkich form rozwoju państw europejskich – od niższych ku wyższym. Uargumentowano tezę o możliwym historycznym „wy tłumaczeniu” mitu o postępie. To „wy tłumaczenie” wyraża się w tym, iż próby wyjaśnienia różnorodności i oryginalności narodowych wariantów rozwoju („Rosjo, dokądże pędzisz?”) prowadziły i nadal prowadzą z jednej strony do uzasadnienia odrębności historycznej drogi Rosji jako samoistnej rosyjsko-prawosławnej cywilizacji, z drugiej ku wyraźnemu zrozumieniu „zakłętego kręgu” współczesnej cywilizacji: „jesteśmy biedni, gdyż głupi i głupi, gdyż biedni”.

Słowa kluczowe: mit, myślenie mityczne, społeczno-polityczny mit postępu, Rosja i Zachód, historyczne drogi rozwoju